

Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы

В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский

КОЛОСОВ Владимир Александрович, доктор географических наук, директор Центра геополитических исследований Института географии РАН;
ТУРОВСКИЙ Ростислав Феликсович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия.

КОНФИГУРАЦИЯ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ

Для России конца XX в. примечательным явлением стало выдвигание множества геополитических концепций, по-разному рисующих положение нашей страны в мире. Сложный переходный период после распада Советского Союза — мощной сверхдержавы — характеризуется обилием проектов "обустройства России", зачастую слишком идеологизированных и даже совершенно фантастических. Опять заспорили "западники" и "славянофилы", громко заявили о себе евразийцы. Но при жарких спорах о судьбе и будущем России фактически были утрачены академические исследования современной геополитической ситуации и реальных, а не воображаемых проектами и идеологами отношений с другими странами. Иными словами, пока не сложился нормальный, объективный геополитический анализ, принятый в западной науке. В данной связи актуальным представляется изучение *географической конфигурации современных внешних связей страны и ее внешней политики* для определения того, насколько реалии отличаются от геополитических проектов и каковы действительные геополитические позиции России.

Современный геополитический анализ оперирует множеством количественных показателей. Среди них можно выделить: структуру внешнеэкономических отношений (объем экспортно-импортных операций по странам), количество и расположение дипломатических миссий и др. Одним из основных показателей внешнеполитических связей страны служат визиты ее ведущих политиков за рубеж и иностранных политических деятелей — в Россию. Авторы в одной из своих работ уже показали, насколько радикально изменилась еще в 1989 — 1991 гг. внешнеполитическая ориентация страны, если рассматривать ее в зеркале визитов политических лидеров [Kolossova, Treivish, Turovsky 1993]. В данной работе проанализированы визиты президентов, премьер-министров, вице-премьеров, министров иностранных дел и обороны, т.е. деятелей, во всем мире составляющих ту часть политического истеблишмента, которая традиционно определяет внешнюю политику государства. Колебания числа визитов год от года, их "сальдо" для каждой страны и региона, распределение между геополитическими ареалами — яркий показатель сдвигов во внешнеполитических ориентациях страны, а точнее, далеко еще не законченных поисков своего места в складывающемся новом геополитическом миропорядке. Позднее авторы намерены провести более комплексный анализ географической структуры внешних связей России. Однако изучение географии визитов в динамике уже позволяет понять современное геополитическое положение России. Особого внимания заслуживает внешнеполитическая активность за последние пять лет, в 1995 — 1999 гг., когда, на наш взгляд, формировались контуры внешней политики постсоветской России.

Таблица 1

География визитов политических лидеров в 1991 — 1999 гг.*

Визиты из России

	Западная Европа	Восточная Европа	СНГ	Южная и Восточная Азия	Передняя Азия	Северная Америка	Латинская Америка	Африка	Всего
1991 (СССР)	12 (33%)	4 (11%)	---	9 (25%)	9 (25%)	2 (6%)	0	0	36
1992	17 (30%)	4 (7%)	16 (29%)	4 (7%)	8 (14%)	5 (9%)	0	2 (4%)	56
1993	13 (36%)	4 (11%)	5 (14%)	6 (17%)	3 (8%)	5 (14%)	0	0	36
1994	12 (44%)	1 (4%)	4 (15%)	2 (7%)	5 (19%)	3 (11%)	0	0	27
1995	21 (36%)	5 (8%)	11 (19%)	7 (12%)	5 (8%)	8 (14%)	1	1	59
1996	14 (24%)	4 (7%)	19 (33%)	8 (14%)	6 (10%)	3 (5%)	3 (5%)	1	58
1997	32 (38%)	4 (5%)	19 (22%)	14 (16%)	5 (6%)	6 (7%)	5 (6%)	0	85
1998	23 (37%)	10 (16%)	17 (27%)	9 (14%)	0	2 (3%)	1	1	63
1999	18 (27%)	7 (10%)	28 (42%)	5 (7%)	5 (7%)	4 (6%)	0	0	67
Визиты в Россию									
1991 (СССР)	24 (34%)	15 (21%)	---	9 (13%)	12 (17%)	5 (7%)	2 (3%)	3 (4%)	70
1992	3 (11%)	4 (14%)	16 (57%)	2 (7%)	2 (7%)	0	0	1	28
1993	5 (29%)	0	9 (53%)	0	1	2 (12%)	0	0	17
1994	3 (17%)	1	8 (44%)	2 (11%)	1	2 (11%)	1	0	18
1995	12 (27%)	7 (16%)	16 (36%)	2 (4%)	2 (4%)	4 (9%)	1	1	45
1996	21 (30%)	10 (14%)	30 (43%)	3 (4%)	2 (3%)	3 (4%)	1	0	70
1997	29 (32%)	5 (5%)	32 (35%)	11 (12%)	6 (7%)	4 (4%)	4 (4%)	0	91
1998	19 (32%)	6 (10%)	17 (29%)	5 (8%)	4 (7%)	4 (7%)	2 (3%)	2 (3%)	59
1999	16 (20%)	7 (9%)	36 (46%)	6 (8%)	12 (15%)	1	0	1	79
Общая сумма визитов									
1991 (СССР)	36 (34%)	19 (18%)	---	18 (17%)	21 (20%)	7 (7%)	2 (2%)	3 (3%)	106
1992	20 (24%)	8 (10%)	32 (38%)	6 (7%)	10 (12%)	5 (6%)	0	3 (4%)	84
1993	18 (34%)	3 (6%)	14 (26%)	6 (11%)	4 (8%)	7 (13%)	0	0	53
1994	15 (33%)	2 (4%)	12 (27%)	4 (9%)	5 (11%)	5 (11%)	1	0	45
1995	33 (32%)	12 (12%)	27 (26%)	9 (9%)	7 (7%)	12 (12%)	2 (2%)	2 (2%)	104
1996	35 (27%)	14 (11%)	49 (38%)	11 (9%)	8 (6%)	6 (5%)	4 (3%)	1	128
1997	61 (35%)	9 (5%)	51 (29%)	25 (14%)	11 (6%)	10 (6%)	9 (5%)	0	176
1998	42 (34%)	16 (13%)	34 (28%)	14 (11%)	4 (3%)	6 (5%)	3 (2%)	3 (2%)	122
1999	34 (23%)	14 (10%)	64 (44%)	11 (8%)	17 (12%)	5 (3%)	0	1	146
Баланс визитов									
1991 (СССР)	12	11		0	3	3	2	3	34
1992	-14	0	0	-2	-6	-5	0	-1	-28
1993	-8	-4	4	-6	-2	-3	0	0	-19
1994	-9	0	4	0	-4	-1	1	0	-9
1995	-9	2	5	-5	-3	-4	0	0	-14
1996	7	6	11	-5	-4	0	-2	-1	12
1997	-3	1	13	-3	1	-2	-1	0	-6
1998	-4	-4	0	-4	4	2	1	1	-4
1999	-2	0	8	1	7	-3	0	1	12

* В скобках — процент от общего числа визитов.

Главные выводы из данных, приведенных в этих таблицах, сводятся к следующему.

1. В 1991 — 1994 гг. резко изменились внешние связи страны. После распада СССР «сальдо» визитов из положительного превратилось в отрицательное, что отражало спад интереса к нашей стране в мире и утрату ею статуса глобальной державы. Это очень хорошо видно на примере отношений с Западом. В течение 1992 — 1994 гг. постоянно сокращалась внешнеполитическая активность России на фоне развития кризисных явлений в экономике и нестабильности ее политического

режима. К 1994 г. внешние связи фактически были свернуты. *“Возрождение”* российской внешней политики *начинается в 1995 г.*

2. Географическое распределение зарубежных визитов отечественных лидеров еще раз подтверждает, что *Россия — теперь скорее евразийская, чем мировая держава*: она “ушла” из Африки, значительно сократила свою активность в Латинской Америке и некоторых регионах Азии. Возможности российского влияния на мировые события резко сократились.

Вместе с тем наша страна продолжала заявлять *свои претензии на глобальную роль*, причем Запад долго придерживался линии на политическую интеграцию с “непредсказуемой” Россией, без повода не демонстрируя факты ее собственной слабости, не подталкивая к национализму и самоизоляции и давая ей шанс участвовать в обсуждении глобальных проблем. В результате важнейшим элементом отечественной внешней политики стало участие в саммитах “семерки” мировых держав, что наряду с членством в Совете Безопасности ООН и наличием ядерного оружия стало индикатором сохраняющейся глобальной роли нашего государства. Причем в 1997 — 1998 гг. западные лидеры нередко подыгрывали России. Так, в июне 1997 г. прошла встреча “семерки” с участием России в Денвере (США), на которой президент США Б.Клинтон назвал группу “восьмеркой”. А в комментариях к саммиту в Бирмингеме в мае 1998 г. говорилось, что Москва впервые выступила в роли полноправного члена сообщества ведущих мировых держав. Значимым событием стал саммит “восьмерки” в Кельне в июне 1999 г.

3. Ощутимый сдвиг во внешнеполитической деятельности страны произошел между 1995 и 1996 г., когда в начале января А.Козырев был заменен на посту министра иностранных дел Е.Примаковым. Данный перелом, помимо прочего, выразился в существенном увеличении роли контактов со странами СНГ. Это новое и очень важное направление во внешней политике появилось после распада СССР в 1991 г. и было одним из основных в 1992 г., когда постсоветские государства решали вопросы “цивилизованного развода”. *Регулирование отношений с бывшими советскими республиками стало ключевой геополитической задачей России.* Устойчивость новых тенденций подтвердил опыт последующих лет, особенно 1999 г., когда страны СНГ стали главным направлением обмена визитами (без малого половина общего числа поездок). При этом наша страна в целом пока еще остается геополитическим центром притяжения, поскольку “сальдо” визитов для нее — положительное (лидеры участников СНГ чаще приезжают в Россию, в т.ч. на различные форумы, чем российские едут в обратном направлении).

4. *Восточная Европа* (ее ныне предпочитают называть Центральной) *перестала быть фокусом внешнеполитической активности России за пределами бывших советских границ.* Особенно это заметно по сравнению с 1973 г., когда доля тогдашних европейских социалистических стран в общем числе визитов в СССР и из него достигала более 26%, несмотря на относительную открытость страны в тот период — пик “разрядки”. Еще сильнее “замкнутость” советской внешней политики на “социалистический лагерь” ощущалась в менее благоприятные периоды. Так, в 1980 г., вслед за новым резким ухудшением отношений между Востоком и Западом после советского вторжения в Афганистан и в результате намерений НАТО разместить американские ракеты средней дальности в Западной Европе, указанная доля европейских соцстран увеличилась до 36%. После драматического снижения до 7 — 8% в 1989 — 1990 гг. и острого роста в 1991 г. (что объяснялось установлением отношений СССР с посткоммунистическими режимами региона) она колебалась на уровне не более 12 — 13%.

5. *Главным направлением внешнеполитической активности России в дальнем зарубежье устойчиво выступает Западная Европа, на которую приходится около трети обменов зарубежными визитами.* При этом в благоприятные периоды доля Западной Европы несколько возрастает. Еще в период разрядки 1970-х годов она поднялась до 22 — 23%, затем в 1980 г. опустилась до 13%; резко, до 34 — 36%, взмыла в переломные 1989 — 1991 гг., когда в результате распада СССР и понижения геополитического статуса страны ее внешняя политика почти целиком свелась к отношениям с западными, прежде всего с западноевропейскими, странами.

Доля обменов с ними опустилась в 1999 г. до минимального за последние пять лет уровня, который все же остается высоким.

6. *Под руководством Е.Примакова российская внешняя политика стала более диверсифицированной, особенно за счет развития и возобновления контактов со странами Азии.* “Сальдо” визитов для России было, как правило, отрицательным, что свидетельствует об инициативной, хотя и без особой взаимности, политике России.

7. *Окончательные выводы делать еще преждевременно, но в 1999 г. наметилась тенденция к территориальному сжатию сферы внешнеполитической активности страны, что, безусловно, стало следствием косовского кризиса и относительного ухудшения отношений между Россией и США.* Снизилась интенсивность отношений с Западом, одновременно сильно выросла значимость контактов со странами СНГ: впервые число визитов в ближнее зарубежье и из него оказалось почти равным числу обменов на “дальних” направлениях. В этом можно усмотреть опасную тенденцию к формированию *псевдобиполярного* мирового геополитического порядка и изоляции России.

РОССИЯ И БЛИЖНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Отношения между Россией и государствами-соседами складываются под влиянием многих факторов. Важную роль, несомненно, играет экономический градиент на наших границах. Если Россия выйдет, наконец, из глубокого кризиса, а позиции рубля по отношению к валютам окружающих стран укрепятся, это станет сильнейшим фактором притяжения к ней республик постсоветского пространства. Улучшение отечественной экономической ситуации повлечет за собой и новое усиление демографического “давления” на Россию с юга, добавляя потоки экономических мигрантов к несколько сократившемуся исходу в Россию беженцев и вынужденных переселенцев.

Однако отношения России с ее порубежьем определяются далеко не только и не столько экономическими факторами. Главное в том, что между странами, столетиями входившими в состав единого государства, сформировались культурные и гуманитарные связи с их реальным долговременным и инерционным характером. Эти связи определяются в том числе многомиллионными русскими и иными меньшинствами, оказавшимися за пределами России, других своих титульных государственных образований в результате распада СССР.

Гуманитарные связи между Россией и ближним зарубежьем нельзя, разумеется, “измерить” только долей этнических русских. Они во многом детерминированы использованием русского языка и распространением русской или, точнее сказать, общероссийской в широком смысле культуры. Соотношение между этнической и политической идентичностью, так наз. родным языком и предпочитаемым языком общения весьма сложно и противоречиво. Исследования В.Тишкова и его сотрудников доказали, что при последней советской переписи 1989 г. были недооценены численность и доля русскоязычного населения: вопрос о родном языке люди понимали как вопрос об их этнической идентичности. На самом деле, например, на Украине 47% граждан и поныне говорят либо исключительно, либо чаще всего на русском, что более чем вдвое превышает долю этнических русских в населении*.

Несмотря на сложность этнического и религиозного состава населения и многообразие его идентичностей, политические элиты в российском порубежье встали на путь строительства наций-государств по моделям прошлого века, опирающихся на титульное население и обеспечивающих ему соответствующие привилегии. Для этого руководству новых стран приходится решать трудные задачи. (Один из “отцов” Рисорджименто когда-то сказал: “Мы создали Италию, теперь мы должны создать итальянцев”.) Лидерам постсоветских государств нужно сформировать новые политические идентичности. “Отцы нации” не могут ждать, пока сравнительно медленные естественные демографические и еще более инерционные языковые процессы приведут к сдвигам в этнической структуре населения и в языковой ситуации [Kolossoff, O’Loughlin 1998].

Исторический опыт показывает, что самый простой способ добиться этой цели — использовать не раз описанную в научной литературе [см., напр.: Spicer 1971; Scott 1990] модель создания новой идентичности “от противного”, т.е. противопоставить “своих” “чужим”. Изыскания в целях обоснования новой идентичности имеют вполне зримые геополитические последствия в духе традиционной геополитики 1910 — 1930-х годов. Одно из них еще в 1915 г. ясно было сформулировано Ф.Науманном: “Кто не хочет или не может стать российским, должен стать центральноевропейским”. То есть для небольших восточноевропейских государств единственный способ избежать поглощения российской сферой влияния — создание Центрально-Европейского союза (или Черноморско-Балтийского пояса), своего рода санитарного кордона, отделяющего “настоящую” Европу от России.

Вместе с тем отношение значительной части (даже большинства) населения многих регионов СНГ к России остается положительным. В Украине 61% респондентов позитивно относится к России (у нас этот показатель — 53%). Свыше трети украинских граждан хотели бы жить вместе с россиянами в одном государстве, а абсолютное большинство во всех районах страны выступает за прозрачные границы с Россией — без визовых и таможенных ограничений. Из России Украина получает более 40% импорта, и наша страна до сих пор является основным импортером украинской продукции. Поэтому руководство Украины объективно вынуждено искать компромисс между тем, как его действия будут оценены западными партнерами и повлияют на перспективы интеграции страны в Европу, и тем, как они воспринимаются в России.

Под воздействием комплекса политических, экономических и социокультурных факторов в последние годы *наметилась дифференциация отношений России с бывшими советскими республиками*. Выделяются несколько уровней этих связей.

Самое интенсивное взаимодействие развивается в рамках “*двойки*”, включающей Россию и Белоруссию — единственное государство СНГ, которое открыто заявляет о своем союзе с Россией и возможности самой тесной интеграции. В декабре 1999 г. подписан и ратифицирован обеими палатами российского парламента договор о создании Союза России и Белоруссии, который видится многим как новое интеграционное образование на развалинах бывшего СССР.

На следующем уровне находится “*пятерка*”, которая, помимо России и Белоруссии, вобрала Казахстан, Киргизстан и Таджикистан. В марте 1996 г. эти страны (кроме Таджикистана) подписали Договор о создании Сообщества суверенных республик, символизирующий их более тесную интеграцию. Позднее они заключили между собой Таможенный союз. Встречи лидеров “четверки” проходили в январе и 1997, и 1998 гг., причем к ним присоединился Таджикистан, вступивший в Таможенный союз в феврале 1999 г.

Отношения внутри “пятерки” непросты, поскольку многие договоренности существуют лишь на бумаге, и не все ее участники делают однозначную ставку на союз с Россией. Однако политические связи между Россией и другими странами “пятерки” развиваются довольно интенсивно (особенно с Казахстаном, который с 1995 г. дважды посещали и президент Б.Ельцин, и российские премьер-министры). Причем движение между Россией и ее партнерами по “пятерке” в значительной степени “однонаправленно”: российские руководители посещают эти государства заметно реже, что подчеркивает различия в геополитическом статусе. Существование “пятерки” позволяет укрепить позиции России в Азии — не случайно входящие в нее центральноазиатские страны участвовали в крупной российско-китайской геополитической инициативе.

Особую роль играет вхождение в пророссийский геополитический блок политически нестабильного пока Таджикистана. Его власти демонстрируют возрастающий интерес к России, которая, наряду с Ираном, стала одним из ключевых спонсоров процесса межтаджикского урегулирования (президент Таджикистана посещал Россию в 1996, 1997 и 1999 гг., а В.Путин, будучи еще премьер-министром, побывал в Душанбе в ноябре 1999 г. на инаугурации Э.Рахмонова, подтвердив российскую поддержку этого политика). Тем самым Россия, получив возможность

влиять на нынешнее политическое руководство Таджикистана (а оно ради удержания власти решило продолжать интеграцию со странами “четверки”), энергично включается в систему политических отношений не только в Центральной Азии, но и в исламском мире, поскольку в этой стране представлены интересы Узбекистана, Ирана, Афганистана, Пакистана и др. Значит, Таджикистан, наряду с Балканами и Ближним Востоком, стал еще одной зоной геополитического разлома, где Россия так или иначе сумела закрепиться за счет своей активной политики.

С остальными странами СНГ отношения сложнее. Они скорее тяготеют к другим политическим блокам: ориентируются на Запад (Украина, Молдова, Грузия, отчасти Армения), Турцию (Азербайджан) или пытаются проводить независимую политику с расчетом на повышение своего геополитического статуса (Узбекистан, Туркмения).

Притом наиболее интенсивно развиваются внешнеполитические контакты между Россией и Украиной, хотя она все больше дистанцируется от нашей страны и даже старается играть роль геополитического противовеса в постсоветском пространстве. Вместе с тем Украина и Россия слишком тесно связаны друг с другом в экономическом и историко-культурном планах. Поэтому президент Украины посещает Россию как минимум раз в год. С российской стороны примерно с такой же периодичностью организованы поездки премьер-министров. В то же время визит президента России на Украину — событие редкое. Последний раз Б.Ельцин был в Киеве в мае 1997 г., а уже подготовленный визит в 1999 г. был отменен (поехал премьер-министр Е.Примаков).

Особую логику имеют отношения России еще с одним амбициозным постсоветским государством — Узбекистаном. Под руководством И.Каримова он пытается стать региональной державой Центральной Азии (своеобразным “центральноазиатским тигром”) и целеустремленно борется за повышение своего геополитического статуса. Это привело к ослаблению политических связей между странами. Их реальное восстановление началось только в 1998 г., когда Россия включилась в процесс межтаджикского урегулирования, исход которого важен для Узбекистана. Результатом стал обмен визитами на высшем уровне: президент Узбекистана посетил Москву в мае 1998 г., президент России был в Ташкенте в октябре того же года. В декабре 1999 г., т.е. незадолго до выборов местного президента, Ташкент посетила российская делегация во главе с В.Путиным.

Несколько интенсивнее Россия взаимодействует политически с Арменией, Молдовой и Туркменией, которые имеют непосредственные интересы к России: Армения — в связи с традиционными союзническими отношениями и своей изоляцией на Кавказе; Молдова — в силу заинтересованности в решении приднестровской проблемы; Туркмения — из-за проблемы экспорта газа через российские трубопроводы. За последние годы отношения с Арменией и Молдовой были стабильными, хотя и недостаточно активными. Важным для Молдовы событием стал саммит СНГ 1997 г. в Кишиневе (обычно они проводятся в Москве). Отношения же с Туркменией охлаждаются, поскольку она пытается проводить политику нейтралитета, балансируя между Россией, Ираном и Турцией. Так, Туркмения первым из постсоветских государств вводит визовую систему для граждан России, что на деле ведет к ее выходу из постсоветской геополитической системы, пусть рыхлой и аморфной, но пока лишенной “высоких” внутренних барьеров.

Наконец, наиболее сложно складываются связи России с Грузией и Азербайджаном. На этих направлениях интенсивность политического взаимодействия оказывается самой низкой, в т.ч. и потому, что руководство данных стран допускает откровенно антироссийские выпады. Существует явное несовпадение позиций по чеченской проблеме (в России считают, что поддержка северокавказских исламистов идет через Азербайджан и Грузию), по вопросам транзита каспийской нефти (Грузия и Азербайджан поддерживают проекты ее транспортировки через Супсу и Джейхан, но не через Новороссийск) и в связи с разрешением конфликтов вокруг Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии. В результате Россия в 1999 г. сама была вынуждена настаивать на введении визового режима для граждан этих стран.

Как и следовало ожидать, хуже всего развиваются отношения России с балтийскими государствами, которые, оказавшись за пределами СНГ, сразу ввели визовый режим для россиян. Страны Балтии показывают свою прозападную ориентацию и не торопятся укреплять политические связи с “восточным соседом” (хотя значимая часть транзита российской нефти по-прежнему идет через Латвию и Литву). Чуть лучше обстоят дела на литовском направлении, тем более что Россия в некоторой мере зависит от Литвы — ведь через нее идет сообщение с Калининградской областью, российским эксклавом на Балтике. Руководители Литвы довольно часто бывают в Москве, в отличие от руководителей Латвии и Эстонии, которые демонстративно держат максимальную дистанцию в отношениях с Россией. Со своей стороны, российские лидеры совсем “не балуют” страны Балтии своими посещениями.

Таким образом, *отношения России с постсоветскими государствами за восемь-девять лет после распада СССР отличаются глубокой дифференциацией и многоуровневостью*. Безусловно, ближнее зарубежье — зона пристального внимания отечественной внешней политики. Россия не уходит и не может уйти из “территорий-проливов”, поскольку сохраняет рычаги влияния на ситуацию во многих соседних странах и конфликтных ареалах, а это позволяет ей занимать более активные позиции на мировой сцене и включаться в региональные системы баланса сил. Россия также способна воздействовать на положение в таких конфликтных узлах, как Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Крым, Нагорный Карабах. Это позволяет ей оставаться значимым фактором в постсоветском пространстве и играть роль регионального лидера.

Постепенно определяются перспективы взаимодействия с каждым из постсоветских государств. Если раньше СНГ воспринималось как единое целое, страны которого зависят от России экономически и якобы должны рано или поздно прийти к идее реинтеграции, то теперь каждая из них обретает свое лицо. Уже не может не приниматься во внимание их участие в иных интеграционных процессах, происходящих без России. Становится ясно, что в связях с постсоветскими государствами всякий раз нужна особая линия, учитывающая их этнокультурную и экономическую специфику, своеобразие политического режима и географического положения. Отсюда — и дифференциация политики России в отношении ближнего зарубежья.

РОССИЯ И ВОСТОЧНАЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ) ЕВРОПА

Бывшие социалистические страны Восточной Европы сейчас поглощены налаживанием связей с Западом. Наследие десятилетий существования мировой соцсистемы сильно сказывалось на протяжении 1990-х годов — восточноевропейские государства настороженно относятся к России, да и экономические стимулы отношений с ней очень ослабли. Россия, в свою очередь, тоже сконцентрировалась на своих непростых взаимодействиях с Западом и долго не замечала бывших союзников. Показательно отсутствие российских инициатив на этом направлении. Свидетельством оценки отношений с восточноевропейскими государствами как второплановых служит очень небольшое число визитов туда российских премьеров (о президенте и речи не идет).

Попытки “возвращения” в Восточную Европу до сих пор остаются слабыми. Наиболее активную роль Россия старалась играть на Балканах — в одном из основных конфликтных регионов мира, где она традиционно имела сильные позиции, а Сербия веками считалась ее надежным союзником. Но самостоятельное балканское направление появляется в российской политике только во второй половине 1990-х годов, поскольку раньше сербы следовали в русле западной политики. После 1995 — 1996 гг. Россия, используя традиционные связи с Югославией, берет на себя роль посредника между нею и Западом в стремлении защитить свои позиции на Балканах и предложить сбалансированную модель урегулирования с учетом сербских интересов. Правда, обмен визитами с Югославией оказался крайне затруднительным, в т.ч. из-за санкций против нее.

В 1998 — 1999 г. Россия предпринимает отчаянную попытку повлиять на принятие решений по политическому обустройству Балкан и будущему Югославии. Примаков в ранге министра иностранных дел в марте 1998 г. совершает турне по странам бывшей СФРЮ. Еще более ярким стал его визит (уже как премьер-министра) в бомбардируемый Белград в апреле 1999 г. Интерес к России демонстрируют и государства, возникшие при развале СФРЮ (в 1998 г. в Москву приезжали президенты Македонии и Хорватии). Более стабильны отношения с Болгарией, в советские времена — верного союзника Москвы, но после распада “восточного блока” открыто дистанцирующейся от России. Руководители Болгарии все чаще посещали Россию: премьер-министры — в 1996 и 1997 г., президент — в 1998 и 1999 г. (последний раз — неофициально). В то же время высшие российские руководители давно в Болгарии не бывали (визит Ельцина прошел еще в 1992 г.), хотя налицо особый интерес гигантов российского ТЭК — “Газпрома” и “Лукойла” к этой стране.

За пределами Балкан наиболее стабильны и позитивны отношения России со Словакией, которая нацелилась на роль геополитического “моста” между Россией и Украиной, с одной стороны, и Западной Европой — с другой. Однако такие контакты развивались тогда, когда фактическим руководителем Словакии был В.Мечъяр. После прихода там к власти прозападного правительства стимулы для укрепления отношений сильно ослабли.

Менее интенсивными оказались связи с Польшей и Венгрией, хотя с началом правления А.Квасьневского восточное направление в польской политике усилилось. Новый президент Польши уже дважды побывал в России — в апреле 1996 и июле 1998 г. Контакты с Венгрией развиваются не столь активно, но все же заметны: премьер-министры Венгрии были в России в 1995 и 1999 г., а министр Примаков ездил в Венгрию в феврале 1998 г.

Еще слабее оказалось политическое взаимодействие с Чехией и, как ни странно, Румынией. Эти страны за последнее время слишком явно демонстрировали свою западную ориентацию и уделяли России минимальное внимание.

Политические элиты большинства восточноевропейских стран — от рубежей бывшей Югославии до Украины — не жалеют сил, чтобы доказать, что уж их-то страна всегда была “органической частью” Европы и лишь происки восточного соседа временно отторгли ее от “Большой” Европы. Кредо восточноевропейских политиков — версия “похищенной Европы” М.Кундеры. В ход идут любые аргументы — и исторические связи, и религия, и культура, и якобы особые психологические качества титульного народа, роднящие его с “коренными” европейскими народами. По остроумному замечанию В.Цымбурского, в Восточной Европе — “всяк европеец, да у каждого сосед — азиат”. Главный “азиат” — конечно же, Россия, отождествляемая с СССР и коммунистическим режимом как источник угроз и нестабильности.

Но далеко не ясно, где на востоке проходят политические и культурные границы Европы, что такое Центральная и Восточная Европа. Ситуация осложняется непростым соотношением между *макро*- (“межблоковой”) и *микрорегиональной* геополитикой, связанной с неустойчивостью в прошлом небольших государств Восточной Европы, расположенных, в терминах Дж.Фэррива, в зоне столкновения интересов (*crush zone*) Германии и России [Fairgrieve 1915].

В итоге в 1990-е годы связи с Восточной Европой остаются слабым местом российской внешней политики. Вместе с тем Россия за последние два года прилагала немало усилий, чтобы стать значимым фактором на Балканах, предлагала свои услуги в качестве международного посредника и восстанавливала связи с рядом государств данного региона. Эта активность вписывается в российскую стратегию поддержания “многополярного мира”, таким образом, объяснять подобную политику традициями панславизма и/или покровительства по отношению ко всем православным странам можно лишь отчасти. Базисный *панортодоксизм* находит весьма слабый отклик как в общественном мнении России, так и за ее пределами.

Концепции типа “братья-славяне”, “православные братья” на исходе прагматического XX в. во многом утратили свое значение. Правда, и в западной, и в российской прессе необходимость проведения Россией активной политики и противостояния военному вмешательству Запада в события на Балканах часто объяснялась именно кровным родством между русскими и сербами. На самом деле, как показывают данные ВЦИОМ, российские граждане вовсе не безоговорочно встали горой за сербов — около 40% опрошенных были склонны винить в конфликте обе стороны и лишь 14 — 16% возлагали вину только на косоваров (по мнению еще 5 — 7% виноваты были сербы, около 40% затруднялись ответить). Подавляющее большинство опрошенных (более 80%) высказывалось резко против вооруженного участия России в конфликте на Балканах*.

Со многими православными странами внешнеполитические связи постсоветской России почти не развиваются (например, с Румынией и Болгарией, особенно после занятия ими открыто прозападных позиций во время конфликта в Косово). Относительно доверительными, правда, стали отношения с Грецией и Кипром (в отличие от советского периода, когда они считались “капиталистическими”), что отразилось в переговорах о поставках ракетных зенитных комплексов этим странам. Это, кстати, вызвало негативную реакцию как Турции, так и Запада в целом: казалось, что ситуация XIX в. с его “восточным вопросом” вновь возникает в мировой политике.

Итогом стала реальная опасность создания очередного “железного занавеса” к западу от российских границ. Возрастающий риск новой изоляции хорошо осознан в России. У нее свои “экзистенциальные страхи”: представления о стране как об “осажденной крепости” традиционны для российских политиков. В их коллективной памяти свежи воспоминания о недавних периодах истории, когда Россия действительно противостояла угрозам со всех сторон. Этим, кстати, объясняется характерное и для других континентальных держав стремление обезопасить себя геополитическими “оболочками”, защищающими “коренную” территорию. Поэтому восстановление хороших связей со странами транзитной между Россией и Западной Европой зоны, столь внезапно “выпавшей” из сферы наших жизненных интересов, остается одним из основных вопросов российской внешней политики.

РОССИЯ И СТРАНЫ ЗАПАДА

В 1990-е годы отношениям с Западом Россия уделяла самое пристальное внимание (как правило, не менее трети визитов с заметными спадами в 1992, 1996 и 1999 г.). При этом явный приоритет был отдан интеракциям с тремя странами дальнего зарубежья — США, Германией и Францией.

На всех уровнях довольно активными были контакты с США. Выделяется, в частности, 1995 г., когда состоялся обмен визитами на высшем уровне: Клинтон посетил Москву в мае, Ельцин нанес ответный визит в октябре. Однако во время вторых сроков правления обоих президентов интенсивность связей существенно упала (правда, в 1998 г. президент России был в Денвере на встрече “восьмерки” и сразу же после дефолта 17 августа глава США приехал в Россию). Все же резонанс от этих встреч был небольшим. Американцы уделяли преимущественное внимание приему В.Черномырдина, который, будучи премьер-министром, считался вероятным преемником Ельцина и побывал в США дважды в 1997, один раз в 1998 г. Далее контакты развивались совсем неудачно. Руководитель кабинета Примаков, отправившийся в США, в момент начала бомбардировок Югославии развернул свой самолет и отказался от визита. Потом США в июле 1999 г. все-таки посетил премьер-министр С.Степашин, но вскоре он был удален со своего поста.

Очевидно, что ослабление интенсивности взаимодействия с США (политические отношения с Канадой почти не развивались, особенно во второй половине 1990-х годов) и, наоборот, усиление связей с западноевропейскими странами следует считать существенной тенденцией второй половины этого десятилетия. Данный процесс начался после ухода с поста министра иностранных дел А.Козырева. И действительно, в 1996 г. внимание к Северной Америке резко сокращается по сравнению с предыдущими тремя годами.

Зато *связи с Западной Европой*, прежде всего с *Германией и Францией*, развивались более стабильно, и их фон всегда был положительным. Россия начала формирование своей *новой европейской политики*. На первом этапе главным партнером в Европе считалась Германия, один из главных кредиторов России. Позднее Россия стала уделять возрастающее внимание Франции — не в ущерб, а в дополнение к прогерманской политике. Пока ФРГ остается самым активным партнером России. Ее канцлеры — Г.Коль и Г.Шрёдер — регулярно каждый год посещали нашу страну. Со своей стороны, Ельцин, в последнее время правления мало выезжавший за рубеж, был в Германии и в 1997, и в 1998, и в 1999 гг.

Начиная с 1997 г. Россия активно пытается усилить французское направление своей внешней политики. Этот факт получает позитивный отклик от президента Ж.Ширака, который охотно идет на контакт с Москвой в стремлении сбалансировать германское влияние и укрепить позиции своей страны в России: в течение 1997 г. он трижды побывал у нас и повторил визиты в последующие два года, а Ельцин в 1998 и 1999 г. посетил Францию (последний раз участвовал в саммите Совета Европы в Страсбурге).

Важнейшая внешнеполитическая инициатива нашей страны — объявление о создании “тройки” в составе России, Германии и Франции во время приезда в Москву Коля и Ширака в марте 1998 г. В этом образовании в России усмотрели ключевой фактор европейской безопасности. Итак, *главным содержательным моментом европейской политики России стала ориентация на союз с Германией и Францией как способ сближения с Европейским союзом и включения в систему европейского баланса сил*.

В последние три года довольно стабильны отношения с Италией, лидеры которой всерьез интересуются постсоветской Россией. Премьер-министр Р.Проди нанес визит в Москву в 1997 г., Ельцин был в Риме в следующем, а в 1999 г. в РФ приехал новый премьер-министр М.Д’Алема. Любопытно, что на фоне ослабления взаимодействий с главными европейскими партнерами России в ее верхах было заявлено: первый визит российского президента после выборов 26 марта 2000 г. состоится в Италию. Наблюдается также некоторое оживление связей с Испанией, которое может стать еще одним фактором формирования более сбалансированной (т.е. “замечающей” и другие страны) европейской политики России. Об этом, в частности, свидетельствует визит в Москву главы испанского кабинета Х.М.Аснара в мае 1999 г.

В этом контексте выделяется неадекватно слабое взаимодействие России с Великобританией, которая, будучи ближайшим союзником Вашингтона в Европе, не стала нашим значимым партнером: традиции взаимопонимания между ней и российским государством не столь крепки, как в случае с Германией и Францией. Однако показательны визиты премьер-министра Т.Блэра в Москву вскоре после его избрания в 1997 г. и Ельцина в Бирмингем на саммит “восьмерки”.

Из других европейских географических ареалов особо можно выделить *Северную Европу*, отношения с которой традиционно развиваются на протяжении веков. Здесь главным партнером остается Финляндия — тесные связи с ней были налажены еще в советское время. Руководители Финляндии неоднократно посещали Россию на протяжении всех последних лет, причем чаще, чем отечественные политики (на высшем уровне визитов туда вообще не было). Сравнительно активно Россия взаимодействовала с Швецией и Норвегией, о чем говорит уже тот факт, что Ельцин успел посетить первую страну в 1996 г., а вторую — в следующем).

Роль других “малых” европейских государств в российской внешней политике невелика, хотя во многих из них наши политические лидеры бывают весьма часто, участвуя в многосторонних встречах. Например, Нидерланды, Бельгия, Дания, Португалия, Ирландия оставались на периферии российских политических интересов, да и в них самих интерес к России был незначителен.

Отношения с Западом — одни из основных и в то же время самых проблемных для России. Решение о расширении НАТО на восток принималось до того, как было разработано представление о новой системе безопасности в Европе; оно стало результатом кризиса идентичности НАТО, утратившего после распада СССР многолетнего “естественного” врага и вынужденного искать новый смысл своего существования [Салмин 1999]. Самым простым способом вновь обрести такую идентичность оказалось возвращение к старым геополитическим кодам, выработанным за десятилетия холодной войны, к прежним представлениям о потенциальном противнике. Тем самым мощь НАТО противопоставляется “империалистическим устремлениям” России, якобы стремящейся любыми средствами восстановить свой контроль над территорией бывшего СССР. Западные СМИ начали настойчиво создавать образ уже новой России как “чужой” для Запада страны, принципиально невосприимчивой к ценностям либеральной демократии, пораженной коррупцией и неспособной уважать права человека. Цель прокатившихся по странам Запада в 1999 г. пропагандистских кампаний — доказать, что Россия утратила возможности и моральное право влиять на принятие важных экономических и политических решений в Европе и в мире.

Еще более осложнили взаимодействия между Россией и Западом война с Югославией в марте-июне 1999 г. и последовавшие за ней события. У нас восприняли решение о бомбардировках Югославии как покушение на суверенитет независимого государства и попытку Запада, в первую очередь США, диктовать мировому сообществу свою волю в обход ООН, закрепить создание однополярного геополитического порядка и разрушить основы сложившейся после второй мировой войны системы международной безопасности. Таким образом, акция натовских союзников покушалась на коренные принципы российской внешней политики и была расценена как прямая угроза национальной безопасности. Отчаянным маршем десантников из Боснии в Приштинский аэропорт Россия стремилась доказать свое право на самостоятельную позицию в мире. В Москве опасались, что если сегодня “наказывают” Югославию, то завтра будут давить политическими, экономическими и даже военными средствами на Россию. Один из авторов этой статьи еще в 1992 г. отмечал: “тезис ‘сегодня Сербия — завтра Россия’ есть напоминание о реальности, требующей определения политических приоритетов и моделей взаимоотношений, исходя из культурно-исторических предпосылок” [Туровский 1992: 83].

И впрямь, очень скоро в западной прессе была инициирована мощная антироссийская кампания. Многие использованные в ней аргументы, прежде всего о коррумпированности российской политической и деловой элиты, соответствовали действительности. Но основной смысл кампании, в сущности, заключался в доказательстве тезиса Г.Киссинджера о том, что Запад принципиально не может доверять России, поскольку русской нации в целом имманентно присущ империализм и российское общество органически невосприимчиво к ценностям либеральной демократии. Следовательно, Запад должен противостоять России с тем же постоянством, с каким он сопротивлялся Советскому Союзу, вне зависимости от специфики московского режима власти [Kissinger 1996].

Впервые за десятилетия возникла реальная возможность прямого вмешательства объединившихся западных стран в дела России — ощутимых экономических, политических и даже военных санкций в случае продолжения военных действий в Чечне. Создавалось впечатление, что на Западе существует заинтересованность в воссоздании биполярного или, точнее, псевдобиполярного (поскольку российско-западные отношения уже не являются ключевым фактором глобального порядка) мира: противостояния между объединенным западным сообществом и Россией — очень ослабленной, но по-прежнему в образе “империи зла”. Это усилило в нашей стране чувство небезопасности и “геополитического одиночества”, дало новые козыри сторонникам антизападных и изоляционистских геополитических концепций. В результате создаваемая с 1996 — 1998 гг. модель отношений с Западной Европой перестает работать на фоне новой волны антироссийских настроений. Эта разрушительная тенденция опять не позволяет образовать прочный базис для взаимного сотрудничества с исторически самым важным для России европейским геополитическим ареалом, полноценная замена которому в ближайшем будущем представляется невозможной.

РОССИЯ И АЗИЯ

Азиатская политика России за последнее время существенно изменилась. В советские годы она по преимуществу сводилась к связям с арабскими странами и Индией, которые воспринимались в качестве геополитических союзников СССР, борющихся с “империализмом”. Сейчас приоритеты иные. Само формирование азиатского вектора отечественной политики воспринимается как способ преодолеть зависимость от Запада, восстановить российскую геополитическую субъектность и как вклад в формирование многополярного мира в противовес Pax Americana.

Для России главными в геополитическом плане на азиатском направлении становятся отношения с Китаем. Именно российско-китайские саммиты воспринимались как доказательство самостоятельности внешней политики РФ и своего рода вызов Америке. Именно на встречах с китайскими руководителями Россия провозглашала свою приверженность идеям многополярного мира (в свою очередь, КНР фактически поддержала действия в Чечне). Ельцин четырежды побывал в Китае — в 1992, апреле 1996, ноябре 1997 и декабре 1999 г. (его последний визит в качестве главы государства). А председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Москву в апреле 1997 и ноябре 1998 г. Еще более частыми были контакты на уровне глав правительств: Черномырдин нанес визит в Пекин в июне 1997, С.Кириенко — в июле 1998 г. Со своей стороны, премьер Госсовета КНР Ли Пен был в России в 1995, 1996 и 1998 г., а сменивший его Чжу Жунцзи — в феврале 1999 г.

Закономерным для азиатской политики РФ стало формирование “азиатской пятерки”, в которую вошли Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В августе 1999 г. в Бишкеке прошел саммит “пятерки”, на котором стороны подтвердили свою готовность к геополитическому альянсу. Фактически данное образование явилось симметричным действием относительно создания вышеупомянутой “европейской тройки”. Россия в этой евроазиатской системе претендует на роль интеграционного центра, формирующего трансконтинентальную ось Париж — Берлин — Москва — Пекин с подключением ряда центральноазиатских государств.

Любопытно, что российская внешняя политика отдавала определенное предпочтение Китаю по сравнению с Индией — крупнейшим партнером СССР, в чем состоит важное отличие российской политики от советской. Одной из причин того стала внутренняя нестабильность в Индии (в советские времена были налажены прочные связи с “кланом” Неру-Ганди). Другой — большая геополитическая значимость Китая и особенности его позиционирования в глобальной системе, позволяющие считать альянс с Китаем противовесом американскому доминированию. Третья причина — географическое соседство двух стран. Потому политические контакты России и Индии развиваются неоправданно слабо, ведь после 1993 г. президент РФ не бывал в этой по-прежнему перспективной для нас стране, а Москву почти не посещали индийские руководители (премьер-министры Индии были в России только в 1994 и 1997 г.). Активнее действовать на индийском направлении пытался только понимающий тонкости азиатской политики Примаков, который, став главой кабинета, поехал в Индию в декабре 1998 г. Тогда было заявлено о возможности создания оси Москва — Дели — Пекин как противовеса геополитическим амбициям Запада. В этом просматривается та же тенденция, что и на европейском направлении. Сначала Россия делает выбор в пользу самой крупной и перспективной державы (Германия в Европе, Китай в Азии), затем начинает искать “дублирующего” партнера, чтобы вместо двухполюсной системы образовать более стабильный треугольник, оставляющий ей пространство для маневра между двумя находящимися в сложных отношениях центрами силы (Франция в Европе, Индия в Азии).

Видимо, Россия в Азии ищет не одного, а сразу двух “дублеров” Китая и ориентируется на формирование геополитического четырехугольника. Об этом свидетельствует явное улучшение отношений с Японией. Прорывом здесь стала красноярская встреча Ельцина с японским премьер-министром Р.Хасимото в апреле 1997 г., за чем последовали активные интеракции 1998 г., когда в Японии побывали Президент РФ (апрель) и премьер-министр Кириенко (июль), а Россию посетил глава правительства К.Обути (ноябрь).

Пока неясно, на какого второго по значимости партнера в Азии сделает ставку Россия — на Японию или Индию. Либеральные круги предпочитают видеть в этом качестве Японию, тогда как консерваторы — Индию. 1999 г. не дал ответа на этот вопрос, т.е. перспективы остаются на обоих направлениях.

Совсем новый вектор азиатской политики России — *попытки участвовать в интеграционных процессах в АТР*. Не имея сейчас реальных возможностей стать одной из лидирующих тихоокеанских держав, Россия старается хотя бы обозначить свое положение в этих процессах. На АТР в качестве нового центра интеграции, а не только на традиционных советских сателлитах (Вьетнам и Лаос) обратили внимание еще при М.Горбачеве, что зафиксировано в его владивостокской речи в июле 1986 г., где СССР был определен как “также азиатская страна”. Знаменателен и первый визит советского руководителя в Южную Корею в 1991 г., вызвавший резкую реакцию КНДР.

После распада СССР МИД в лице Козырева и Примакова уделял внимание форумам *АСЕАН*: первый посетил конференцию этого альянса в Брунее в июле-августе 1995 г., а второй — встречу министров иностранных дел стран-членов в Джакарте в июле 1996 г. и конференцию АСЕАН на Филиппинах в июле 1998 г. Будучи премьер-министром, Примаков участвовал в саммите АТЭС в Малайзии в декабре 1998 г., что подавалось как прорыв на тихоокеанском направлении. В продолжение традиции в октябре 1999 г. на форуме АТЭС в Окленде побывал премьер-министр Путин. Однако заметно, что в этом случае Россия пытается догнать события: интерес АСЕАН к ней остается небольшим (например, из поездок глав стран альянса — только визит в Россию президента Филиппин в 1997 г.).

Очевидны *намерения России сохранить (или восстановить) активную позицию на Ближнем и Среднем Востоке*, присущую некогда СССР. Здесь у нашей страны сложилась группа традиционных партнеров, таких как Сирия и Ирак, отчасти — Египет. Россия также старалась не утратить хотя бы часть влияния на процессы ближневосточного урегулирования — Ельцин участвовал в международной конференции по данной проблеме в Египте в марте 1996 г.; в 1995 — 1997 гг. руководители МИД ежегодно совершали турне по Ближнему Востоку. Тщательно подходил к российским инициативам в данном регионе востоковед Примаков. В итоге удалось пробудить интерес арабских лидеров к России: после долгого перерыва в Москве побывали президент Египта Х.Мубарак (1997 г.), президент Сирии Х.Асад (1999 г.), не говоря уже о частых визитах лидера Палестины Я.Арафата.

В отличие от СССР с его проарабскими позициями РФ ныне удается роль более эффективного посредника благодаря наладившимся отношениям с Западом и Израилем (визиты израильских премьер-министров — очень частое явление) и сохраняющимся связям с арабами. Функции посредника Россия старается выполнять и в проблемной ситуации между Западом и Ираком. Как и в случае с Югославией, задача России состоит в том, чтобы рационально довести иракскую позицию до западных партнеров и настоять на учете ее деталей при принятии решений. Не случайно иракский вице-премьер Т.Азиз неоднократно посещал Москву во время каждого обострения указанного конфликта. Наконец, символично участие президента России (несмотря на неважное здоровье) в похоронах короля Иордании Хусейна в феврале 1999 г.

Контакты с Ираном, о целесообразности которых спорят в российском истеблишменте, малопродуктивны, ибо встречают резко негативную реакцию Запада. Фактически его нажим не дает России возможность самостоятельной линии в этом направлении. По данной причине обмен визитами редок: Примаков был в Тегеране в декабре 1996 г. и И.Иванов — в ноябре 1999 г.

Зато растет интерес к России исламского мира (прежде всего Пакистана и стран Персидского залива), вообще или почти не сотрудничавших с СССР. Премьер-министр Пакистана посетил Москву в апреле 1999 г. Контакты со странами Персидского залива пока развиваются на уровне министров иностранных дел, но это все-таки некий прорыв: в 1997 в РФ побывал руководитель внешнеполитического ведомства Омана, в 1999 г. — Москву посетили министры иностранных дел из Саудовской Аравии и Кувейта. Между тем баланс визитов с Турцией, с которой у

России традиционно сложные политические отношения, по-прежнему очень невелик, несмотря на уже ставшие прочными экономические связи и огромный приток туристов-россиян (участие Ельцина в саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. и за несколько дней до этого приезд премьер-министра Турции Б.Эджевита в Москву). В 1990-е годы Турция предпочитает геополитические игры с тюркскими государствами ближнего зарубежья, а также с Украиной.

Перспективным становится *восстановление связей с традиционными партнерами* в Азии. Как и в случае с Европой, пока интенсивность взаимодействий явно недостаточна и далека от прошлых “рекордов”. Возобновление отношений с Сирией, Египтом, осторожные контакты с Ираком (здесь российская нефтяная компания “Лукойл” реализует свои экономические проекты) отмечены выше. Сохраняется присутствие в Монголии, где Россия пытается удержать контроль над крупнейшим медным комбинатом “Эрдэнэт” (глава МИД был в Улан-Баторе в ноябре 1996 г., а в декабре 1999 г. Россию после многолетнего перерыва посетил президент Монголии). Связи с Вьетнамом, который Россия едва не потеряла навсегда как бывший свой форпост в Юго-Восточной Азии, тоже восстанавливаются вполне успешно: Черномырдин приезжал в Ханой в ноябре 1997 г., а президент Вьетнама с ответным визитом в августе 1998 г. Однако общение с Лаосом и Камбоджей, считавшимися в советский период социалистическими, сошло почти на нет.

Таким образом, азиатское внешнеполитическое направление постепенно становится наиболее перспективным и эффективно развивающимся. Эта тенденция рассматривается в российском истеблишменте как способ дальнейшей диверсификации международных связей (вместо прежнего прозападного курса), формирования сбалансированной и самостоятельной внешней политики “по всем азимутам”. Вместе с тем подобная переориентация пока напоминает геополитическую игру, не обеспеченную ресурсами, т.е. она адекватно не подкреплена экономически. Ясно другое: Россия в Азии сегодня создает себе задел на будущее, обозначая свое присутствие в крупнейших центрах мировой политики и заявляя о принципиальном неприятии нацеленности Запада на глобальную гегемонию.

Кроме того, обозначенная внешнеполитическая тенденция может считаться *евразийской* только с большой долей условности. Речь идет не о догматическом евразийстве в духе работ П.Савицкого или А.Дугина, а о “естественно-географическом” евразийстве, исходящем из признания географического положения России в центре Евразии определяющим фактором ее внешней политики. В результате Россия:

— включается в глобальный расклад сил в качестве союзника Китая и, возможно, Индии, чтобы не допустить западного (прежде всего американского) главенства над миропорядком, старается оформить “четырёхугольник” Москва — Пекин — Токио — Дели с участием центральноазиатских государств;

— демонстрирует свое намерение участвовать в процессах интеграции в АТР;

— восстанавливает отношения с традиционными партнерами бывшего СССР;

— выступает в качестве международного посредника в разрешении проблемных ситуаций в зонах геополитических разломов (Ближний и Средний Восток).

Россия, Африка и Латинская Америка

Государства Африки и Латинской Америки остаются на периферии российских внешнеполитических интересов. У России явно не хватает ресурсов для работы в этих геополитических ареалах: одна азиатская политика как альтернатива европейской поглощает остающиеся силы.

Это и есть объяснение почти полного отсутствия внимания к Африке, многие страны которой относились к клиентам СССР. Визиты носят единичный и по преимуществу случайный характер. Из последних событий выделяется приезд

бывшего советского союзника, президента Намибии С.Нуйомы в 1998 г., а также президента ЮАР Н.Манделы (перед истечением срока его полномочий) в апреле 1999 г. Возобновлено военно-техническое сотрудничество с традиционным партнером — Анголой (визит министра обороны И.Сергеева в сентябре 1998 г.).

Немногим лучше обстоят дела в отношениях с Латинской Америкой. Единственным показательным событием на этом направлении стало латиноамериканское турне Примакова в ноябре 1997 г. (Бразилия, Аргентина, Колумбия и Коста-Рика); он же побывал в Колумбии в апреле 1998 г. Однако далее контакты не развивались. Из латиноамериканских лидеров в Россию приезжал только президент Аргентины К.Менем (летом 1998 г.). В некоторой мере восстанавливаются связи с Кубой, однако их масштаб несравним с прошлым.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ

Российская внешняя политика в конце XX в. стала более определенной, нацеленной на перспективу и учитывающей геополитические факторы. Но остаются серьезные проблемы, связанные с возможностями ее реализации. Они обусловлены такими обстоятельствами, как: несовпадение представлений в нашей стране и за рубежом о будущем России, в т.ч. о ее позициях в миропорядке; риски новой изоляции страны; появление альтернативных геополитических моделей, не учитывающих или ущемляющих интересы нашего государства.

Для реалистической оценки возможностей российских геополитических проектов, заложенных во внешней политике страны во второй половине 1990-х годов, нужно еще раз проанализировать особенности современной ситуации. Геополитическое положение государства определяется не только физической географией, но и изменениями в мировом геополитическом порядке, геозкономическими процессами. После распада СССР геополитический статус России снизился. На постсоветском пространстве, не исключая и части территории самой РФ, начали утверждаться внешние центры силы. Дезинтеграционные процессы поставили под вопрос геополитическую субъектность России.

Нынешнее геополитическое положение нашей страны в мире может рассматриваться с двух точек зрения. В первом случае Россия оценивается как географический центр глобальной системы (хартленд) и интеграционное ядро Евразии. Распространено и представление о России как о своеобразном “мосте” между Европой и Азией (это имеет и философское обоснование: отечественные мыслители, в частности Н.Бердяев, говорили о России как о “посреднике” между Западом и Востоком).

Современная Россия сохраняет свой геополитический потенциал центра Евразии, но с ограниченными возможностями использования, что ведет к ее превращению в региональную державу с тенденцией к дальнейшему снижению геополитического статуса. Экономическая слабость (по данным ИМЭМО на 1998 г., наша страна производит лишь 1,7% мирового ВВП), отсутствие государственной воли и общественного консенсуса по поводу путей развития не позволяют реализовать модель хартленда в ее новой трактовке: Россия как интеграционное ядро Евразии.

Качественно изменяется геополитическая структура постсоветского пространства, которое теряет свой изначальный “россоцентризм”. СНГ, куда входят все бывшие советские республики, кроме трех балтийских, действует очень неэффективно. Главные факторы, сдерживающие его распад, — зависимость многих постсоветских государств от российского топливного сырья, другие экономические соображения, в меньшей мере — культурно-исторические связи. Однако как геополитический и геозкономический центр Россия явно слаба. Тем временем с постсоветскими республиками активно взаимодействуют европейские страны, в особенности Германия, Турция с ее попытками восстановить единство тюркского мира “от Адриатики до Великой Китайской стены”, Китай (Центральная Азия), США (Прибалтика, Украина, Грузия) и др. На статус новых региональных держав претендуют Узбекистан и Украина, в которой западные геостратеги видят

естественный противовес России и ее “имперским амбициям” относительно территорий бывшего СССР (идея Бжезинского).

Постсоветские государства включаются в целый ряд геополитических союзов, альтернативных СНГ (европейская, тюркская, исламская и другие виды интеграции). Их роль недооценена в России, где еще сильно убеждение, что “никуда они от нас не денутся”. На границах РФ возникают новые региональные системы сотрудничества. В некоторых из них она принимает посильное участие — балтийская, черноморская, каспийская, азиатско-тихоокеанская системы, но в ряде случаев объединение идет без ее присутствия. Активно взаимодействуют страны Центральной Азии. Здесь регулярно проходят встречи “тройки” (Казахстан, Узбекистан, Киргизия) и “пятерки” (те же плюс Туркмения и Таджикистан), формулирующих свои особые интересы. Как альтернативу СНГ в данном регионе рассматривают собственный Центральноазиатский союз, тюркскую интеграцию (включая Турцию) или объединение мусульманских стран в рамках Организации Исламская конференция. Характерное событие — встреча в Душанбе (декабрь 1999 г.) глав правительств Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана, посвященная развитию Центральноазиатского сообщества в XXI в.

Важное геополитическое явление — консолидация Украины, Молдовы, Грузии и Азербайджана (объединение названо ГУАМ); в 1999 г. к процессу присоединился Узбекистан (отныне — ГУУАМ). Этот блок задуман как геополитический противовес российскому влиянию в постсоветском пространстве. Здесь очень активна Украина, чьи руководители неоднократно обменивались визитами с главами стран, составивших ГУУАМ. Официальный Киев при поощрении Запада пытается играть роль геополитической альтернативы Москве. Кроме того, опыт последних лет показывает: в Восточной Европе идеи союза любой конфигурации, но без России, — это, как правило, проекты союза против России, значит, перспективы воссоздания средневекового Балто-Понтийского пояса (“санитарного кордона” вдоль западной ее границы) должны вызывать у нашего государства озабоченность.

Уже решается важная задача преодоления странами СНГ транспортной зависимости от России. Например, центральноазиатские государства “прорубают окно” к Индийскому океану. Построена железная дорога Теджен — Серахс — Мешхед, соединяющая Туркмению с Ираном, что дает странам региона выход к этому океану (что в перспективе полезно и России, особенно в случае строительства транспортного коридора “Север — Юг” по относительно короткому маршруту казахский Ералиев — Красноводск — Кизыл-Атрек — Иран). Рассматриваются варианты альтернативной коммуникационной оси, соединяющей Туркмению и Узбекистан через Афганистан с Пакистаном. Реанимирована идея Великого шелкового пути (ВШП), который почти полностью выводит южных соседей РФ из-под ее влияния на коммуникации. Маловероятно, что через Россию будет осуществлен транзит каспийской (азербайджанской) нефти: многообещающими сейчас считаются нефтепроводы, выходящие в Грузию (Супса) и Турцию (Джейхан). Только экспорт нефти из Казахстана может идти через порт Новороссийск. Кроме того, закономерно и введение Туркменией виз для россиян. Повод к таким акциям дала сама наша страна, обвинив Грузию и Азербайджан в поддержке чеченских сепаратистов и инициировав процесс установления визового режима с этими странами. Фактически это означает их выход из СНГ.

В итоге участники СНГ “разбегаются”, переориентируясь на другие геополитические центры. Лишь ось Москва — Минск остается геополитически устойчивой: она скрепляет единство Евразии на пророссийском базисе и препятствует созданию Балто-Понтийского пояса. Россия явно идет по пути к утрате геополитической роли центра Евразии. Исходя из этого обстоятельства, многие западные исследователи уже полагают, что основные глобальные процессы определяются отношениями Америки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Под вопросом *геополитическое единство самой Российской Федерации*. Национальные республики развивают свои внешние связи, руководствуясь этнокультурными критериями. В ряде из них усилилось турецкое влияние, особенно

на Северном Кавказе и в Волго-Уральском регионе (Татарстан, Башкортостан). В республиках с мусульманским населением ощущается влияние Саудовской Аравии и Ирана (в меньшей степени). Исламские страны даже конкурируют за такое влияние. Результатом геополитического расслоения российского пространства явилась фактическая “автаркия” Чечни, а Северный Кавказ в целом стал зоной риска в пределах российских границ.

Геополитические проблемы связаны и с другими регионами РФ. Так, Дальний Восток остается заброшенной окраиной России и вынужден самостоятельно развивать связи с Китаем, Японией и др. В сложном положении пребывает эксклавная Калининградская область, вместе с тем сохраняющая роль западного военного форпоста страны. В этой проблемной ситуации усиливается давление соседних стран, претендующих на части российской территории (Карелия, Псковская область, граница с Китаем, Сахалин и Курильские острова).

После распада СССР выходы России к морю были сильно ограничены. Роль геополитических “окон” выполняют: на Балтике Санкт-Петербург с Ленинградской областью (понятно, что Калининградский эксклав здесь не в счет); на Черном море — Краснодарский край (Новороссийск) и Ростовская область (попытки возрождения Таганрога); на Каспийском — Астрахань (Дагестан выпадает из-за этнополитических проблем); на Тихом океане — Приморский край и (гораздо меньше) Хабаровский край, Сахалин и Камчатка. При этом важно, что Балтийское и Черное моря относятся к числу “закрытых”, ибо проливы контролируют другие державы (отсюда минимальная геополитическая значимость Балтийского и Черноморского флотов). “Закрытым” является и Японское море. Поэтому особое военно-стратегическое значение имеют Кольский и Камчатский полуострова — единственные территории России, имеющие выход к открытым пространствам Мирового океана: здесь базируются соответственно Северный и Тихоокеанский флоты [Колосов и Трейвиш 1992].

Проблемной становится и роль нашей страны в качестве транзитного узла. Реально действующие международные коммуникации сейчас минуют Россию. Связи между Европой и АТР в основном осуществляются по морю в обход ее территории (морские перевозки достаточно дешевы). Не действуют и российские сухопутные коммуникации. Зато воссоздается ВШП в виде трансевразийского коридора, связывающего Восточную Азию и Европу по суше. Начинается работа по реализации проекта транспортного коридора “Европа — Кавказ — Центральная Азия” (ТРАСЕКА), которая находит поддержку как в Китае и Японии, так и в Европейском союзе (особенно в Германии). Проект ТРАСЕКА был одобрен в 1993 г. на конференции в Брюсселе (участвовали руководители восьми государств Закавказья и Центральной Азии; позднее к программе примкнули Монголия, Украина и Молдова). А в сентябре 1998 г. в Баку прошла встреча лидеров Киргизии, Узбекистана, Азербайджана, Грузии, Турции, Украины, Молдовы, Румынии и Болгарии, где было принято соглашение о развитии транспортного коридора, транзита и коммуникаций.

Таким образом, трансевразийский коридор в силу геополитических перемен конца XX в. должен пройти в обход самого крупного государства, почитающего себя центром Евразии, — России. Важнейшую магистраль будущего предполагается проложить из Китая через Казахстан (Киргизию), Узбекистан, Туркмению, Азербайджан, Грузию в Турцию и дальше в Европу (через Турцию и Болгарию или через Украину, Молдову и Румынию). Теоретически еще возможен ее “северный” вариант из Европы через Белоруссию или Украину, Россию и Казахстан с выходом через Туркмению в Иран и к Индийскому океану, т.е. более простой с точки зрения числа преодолеваемых границ. Но Запад сегодня поддерживает вариант в обход нашей территории, предпочитая не ставить свои отношения с АТР в зависимость от неустойчивой России (несмотря на то, что внутривосточная стабильность ряда стран ВШП еще более сомнительна). Такую высокую цену Россия платит за геополитический распад пространства СССР с потерей Закавказья и Центральной Азии, своего “мягкого подбрюшья”.

Правда, в формирующемся поясе небольших государств к югу и юго-западу от российских границ есть уязвимые места. Этнополитическая нестабильность характерна для Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, граничащего с

центральноазиатскими странами. Не определено место стыковки ВШП с китайскими коммуникациями. На это претендуют Казахстан, уже связанный с Китаем в транспортном отношении, и Киргизия, которую могут поддержать геополитические соперники Казахстана (в данном случае нужно строить дороги в высокогорных районах Тянь-Шаня, к чему китайцы готовы). Особую позицию занимают Иран и Армения, оттесненные от ВШП. Они настаивают на использовании своих сухопутных коммуникаций, но другие участники проекта по причинам геополитического характера и при поддержке Запада предполагают использование паромной переправы из Туркмении в Азербайджан (в обход Ирана) и дороги, напрямую соединяющей Азербайджан с Грузией (минуя Армению). Наконец, сообщение между Грузией и Украиной планируется осуществлять по морю, поскольку сухопутные коммуникации проходят через полунезависимую Абхазию и Россию.

Итак, на южных окраинах постсоветского пространства и в Юго-Восточной Европе формируется *“новый римленд”*, охватывающий полукольцом *“евразийский хартленд”*. Россия же оказывается глухим северо-восточным углом Евразии, находящимся на обочине торговых путей. Существующие коммуникации, такие как Транссиб, в качестве транзитного *“моста”* используются слабо; неясны перспективы их реконструкции (Япония хотя и проявляла интерес к реконструкции Транссиба, но вкладывает деньги в реконструкцию дорог, слагающих ВШП). *На рубеже веков Россия слабо использует свой “тройной” геополитический потенциал: интеграционного ядра Евразии, транзитного государства и развитого экономического центра.* А пока приходится говорить лишь о потенциале, перспективах, возможностях, а не о решениях, действиях и достижениях.

НОВОЕ В РОССИЙСКОЙ ГЕОСТРАТЕГИИ

При анализе конфигурации российской внешней политики видны ее новейшие тенденции, которые проявились после 1995 — 1996 г. Во многом они были связаны с заменой на посту министра иностранных дел западника А.Козырева государственным Е.Примаковым. Разница в позициях этих деятелей обусловила не только смену вектора российской политики — она становится более самостоятельной. Это четко выразилось в 1997 г., когда Примаков фактически получил карт-бланш на проведение своей линии. Результатом стала существенная активизация внешних связей России: на тот год приходится наибольшее число визитов. Новый внешнеполитический курс, на наш взгляд, основан на следующих позициях.

1. Политика на западном направлении становится скорее проевропейской, чем проамериканской. Делается ставка на формирование треугольника Россия — Германия — Франция.

2. Формируется азиатская политика, устраняющая прозападный уклон. Повышение внимания к Азии ведет к формированию общей позиции с Китаем по вопросу о многополярном мире. Россия определяет свои отношения с КНР, Индией и Японией и включается в сложную систему отношений в исламском мире.

3. Контакты с ближним зарубежьем приобретают большую осмысленность, а усилия концентрируются на самых важных геополитических проблемах.

4. Россия примыкает к процессам урегулирования международных конфликтов в качестве посредника (Югославия, Ирак и Ближний Восток, Таджикистан).

5. Наше государство демонстрирует геополитический по содержанию подход к своей внешней политике. Оно деятельно вклинивается в региональные системы баланса сил и формирует собственные альянсы (*“двойки”*, *“тройки”*, *“пятерки”*).

6. Россия пытается расширить пространство своей внешнеполитической активности, чтобы в дальней перспективе вернуть себе статус мировой державы. Она нацелена на участие в самых многообещающих интеграционных процессах в мире, в т.ч. уделяет особое внимание АТР.

Многие аналитики говорят о преобразовании модели российской внешней политики. Изменения, привнесенные Примаковым (одна российская газета метко назвала его “игроком многополярного мира”), вполне могут быть названы последовательной “доктриной Примакова”, заменившей доктрины Брежнева, Горбачева и Козырева. Один из авторов определяет ее следующим образом: “развивать и продвигать отношения с Западом, ведя самостоятельную игру на других полях: китайском, южно-азиатском, дальневосточном”. По его мнению, это “третий путь”, позволяющий избежать крайностей “доктрины Козырева” (“положение младшего и на все или почти на все согласного партнера Америки”) и националистической доктрины (“дистанцироваться от Европы, США и западных институтов — НАТО, МВФ, Всемирного банка), попытаться превратиться в самостоятельный центр притяжения для всех тех, у кого не сложились отношения с Западом, от боснийских сербов до иранцев”) [Пушков 1997].

После отставки Примакова с поста премьер-министра весной 1999 г. заложенные им геостратегические ориентации в основном были продолжены — по сути они не имели альтернативы и отвечали геополитическим амбициям России и ее нового политического класса, ставшего более прагматичным и менее прозападным. Однако из-за сложных условий прошлого года существенных новаций и инициатив не было, а наблюдалось некоторое снижение внешнеполитической активности России, в т.ч. по мере обострения внутренних конфликтов, объясняемых парламентскими выборами и приближением президентских 2000 г. Имидж страны был изрядно подпорчен кампанией в СМИ по дискредитации российской элиты, сотрясаемой коррупционными скандалами.

В это непростое время полезно вновь кратко обозначить успехи и неудачи российской внешней политики в 1990-е годы. Наш анализ, исходящий из фактического материала баланса и адресов визитов государственных деятелей, показал, что Россия после нескольких лет следования в хвосте западной политики нашла в себе силы сформулировать собственную геостратегию, концептуально вполне обоснованную и довольно практичную. Понятно, что Запад ее не приветствует. Данная геостратегия существенно отличается от советской, хотя опирается на многие традиции, заложенные и в имперскую эпоху, и в период СССР. Она амбициозна: Россия по-прежнему намерена играть роль мировой державы и не собирается соглашаться с понижением ее глобального статуса. При этом ее геостратегия не страдает авантюризмом и агрессивным экспансионизмом.

Ключевым направлением российской внешней политики все равно остается европейское направление, что подтверждает многовековые связи и ориентации страны, европейский компонент ее идентичности. Но, тяготея к Европе, Россия не может и не хочет растворяться в “общеевропейском доме” — это непозволительно для нее в силу географических масштабов и культурного своеобразия. Данным обстоятельством объясняются попытки разыграть “азиатскую карту” как один из способов утвердить свое уникальное место в мире и добиться особых отношений с тем же Западом. Ведь по историческим причинам и вследствие географического положения русские из всех европейцев выработали наиболее интимную связь с азиатским миром. Отсюда и явное предпочтение концепции многополярного мира, где Россия — один из полюсов: будучи сейчас ослабленной, она вправе опасаться за свое будущее и идентичность при однополярном порядке. Россия надеется на независимость политики европейских государств от мнения США и готова к тесным отношениям с крупнейшими азиатскими странами, чтобы стать “мостом” между Европой и Азией. И Западу лучше признать за Россией ее право на геополитические амбиции и самостоятельную внешнюю политику, чем спровоцировать униженную сверхдержаву на авантюры, для которых уже создано немало “теоретических” оснований.

Важный способ активизации России в международной политике — возможность влияния на ситуацию в конфликтных регионах. Причем речь идет как о “новых” геополитических разломах, возникших после распада СССР (в частности, Кавказ, Центральная Азия и Таджикистан), так и о “старых” болевых точках планеты (Балканы, Ближний Восток). Выработка принципиальной линии по отношению к этим зонам острой напряженности, которая бы позволила сохранить там российское

присутствие и заставила бы другие страны считаться с Россией, становится одной из ключевых геополитических задач.

Разумеется, новая российская геостратегия не обеспечена должными экономическими и организационными ресурсами. Зачастую действия нашей страны бывают рассчитаны только на “внутреннее потребление” — доказать избирателям, что власти помнят о национальных интересах. Однако реалисты в России понимают, что восстановление ее позиций в глобальной системе займет многие годы, если не десятилетия, а сейчас самое главное — создать задел на долгосрочную перспективу. Поэтому сегодняшняя целенаправленность внешней политики состоит в расстановке приоритетов в отношениях с разными странами, в обозначении присутствия в ключевых геополитических ареалах и формулировании принципиальных позиций по содержанию международных отношений. Только таким путем Россия сможет найти место в стремительно складывающемся миропорядке XXI в. и претендовать на достойное великой страны будущее.

Февраль 2000 г.

Авторы благодарны А.Пашутину за помощь в подготовке и обработке фактического материала для этой статьи.

Колосов, В.А. 1996. Российская геополитика: традиционные концепции и современные вызовы. — *Общественные науки и современность*, № 3, с.86-94.

Колосов, В.А., Трейвиш, А.И. 1992. *Новое геополитическое положение России. Доклад Горбачев-Фонда*. М.

Пушков, А. 1997. Новый европейский порядок. От “доктрины Козырева” — к “доктрине Примакова”. — *Независимая газета*, 24.10.

Салмин, А.М. 1999. Россия, Европа и новый мировой порядок. — *Полис*, № 2, с. 10.

Туровский, Р.Ф. 1992. Югославский разлом. — *Полис*, № 4, с.74-84.

Туровский, Р.Ф. 1994. Политико-географическое положение России и национальные интересы государства. — *Кентавр*, № 3, с.31-36.

Туровский, Р.Ф. 1999. *Политическая география*. М.-Смоленск: Издательство СГУ.

Fairgrieve, J. 1915. *Geography and World Power*. L.

Kissinger, H. 1994. Expand NATO now. — *Washington Post*, December 19.

Kolossov, V., O'Loughlin, J. 1999. Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniestr Moldavian Republic (TMR). — Newman D. (ed.) *Boundaries, Territories and Postmodernity*. L., p.151-176.

Kolossov, V., O'Loughlin, J. 2000. *Still “not worth the bones of a single Pomeranian grenadier”*: What the geopolitics of the Kosovo war of 1999 revealed about U.S. hegemony, Russian insecurity and European identities. Paper presented at the conference on “Challenging the American Century”, Loughborough University, UK, 1-4 July, 1999 (forthcoming).

Kolossov, V., Treivish, A., Tourovsky, R. 1993. Les systèmes géopolitiques de l'Europe Centrale et Orientale vus de la Russie. — E.Filippart (ed.). *Nations et frontières dans la nouvelle Europe*. Bruxelles: Editions Complexe, p.81-104.

O'Loughlin, J. 2000. *Ordering the "Crush Zone": Geopolitical Games in Post-Cold War Eastern Europe* (forthcoming).

Scott, G.M.Jr. 1990. A resynthesis of the primordial and circumstantial approaches to ethnic group solidarity: towards an explanatory model. — *Ethnic and Racial Studies*, vol. 13, № 2, p. 147-171.

Spicer, E. 1971. Persistent Identity Systems. — *Science*, vol. 4011, p. 795-800.

* Данные опросов, проведенных в Киево-Могилянской Академии под руководством профессора В.Е.Хмелько в 1998-99 гг.

* Данные опросов, проведенных в Киево-Могилянской Академии под руководством профессора В.Е.Хмелько в 1998-99 гг.